

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

παρλιπομένων

*Сергей
Спасский*

Всадник. Неудачники

НЕИЗДААННЫЕ
КНИГИ

Серебряный век. Паралипоменон

Сергей Спасский

**Всадник. Неудачники. Две книги
из собрания Василия Молодякова**

«Водолей»

2020

УДК 84(2Рос=Рус)6
ББК 821.161.1

Спасский С. Д.

Всадник. Неудачники. Две книги из собрания Василия Молодякова
/ С. Д. Спасский — «Водолей», 2020 — (Серебряный век.
Паралипоменон)

ISBN 978-5-91763-293-3

Сергей Дмитриевич Спасский (1898–1956) принадлежит к числу не то чтобы забытых, но «невспомненных» русских поэтов и прозаиков, хотя его молодость прошла в кругу футуристов, а стихи и дружбу ценили Андрей Белый, Борис Пастернак, Анна Ахматова, Михаил Кузмин. Издание представляет неизвестные поэтические книги Спасского, впервые публикуемые по рукописям из собрания В. Э. Молодякова: подготовленный к печати, но не вышедший сборник «Всадник. (Стихи о Ленинграде)» (1946) и раннюю редакцию повести в стихах «Неудачники» (1928).

УДК 84(2Рос=Рус)6
ББК 821.161.1

ISBN 978-5-91763-293-3

© Спасский С. Д., 2020
© Водолей, 2020

Содержание

Всадник	6
I. После войны	7
II. Всадник (поэма)	14
Неудачники	23
Часть первая	24
Глава I	24
Глава II	31
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Сергей Спасский

Всадник. Неудачники. Две книги

из собрания Василия Молодякова

© В. Э. Молодяков, составление, послесловие, примечания, 2016

© В. Э. Молодяков, собрание материалов, 2016

© М. и Л. Орлушины, оформление, 2016

© Издательство «Водолей», оформление, 2016

* * *

Всадник

(Стихи о Ленинграде)

Советский писатель
Ленинград – Москва
1946

І. После войны

Под Ленинградом

В суровой почве вырытые норы.
Гнилые бревна.
Тряпки. Ржавый лом.
Бомбежкой вспаханные косогоры.
Еще светла здесь память о былом.
Они сидели тут
зарывшись в недра
Земли российской.
Где теперь они?
Дрожит кустарник под нажимом ветра.
Блестят цветы,
как пестрые огни.
Край северный,
знакомая сторонка,
Тебя топтал,
тебя калечил бой.
Но тканью трав затянута воронка.
Земля,
ты вновь становишься собой.
Ты снова воскресаеть,
хорошая,
Всегда права
и вечно молода.
Осыпется ненужная траншея,
Окоп размочит тихая вода.
Березка затрепещет над рекою,
Пугливыми листьями шевеля.
О, поскорей бы стать тебе такую
Спокойной, щедрой,
русская земля.

* * *

Вчера я шел.
И ленинградской сказкой
Была душа
Опять изумлена.
Сквозь дыры стен
Распоротых фугаской
Блистало небо.
И плыла луна.
И камни,
будто залитые ртутью,
Мерцают в синеватой белизне,
Как Колизея остров,

древней жутью,
Щемящим сном
дохнули в душу мне.
Была тут, вероятно, колоннада.
Гипс, будто кость, белел.
Томил покой.
И я остановился.
Мне не надо
Ни тишины,
ни красоты такой.
Я верю,
я борюсь, я торжествую.
Я, как и все,
Смотрел в глаза войны.
Люблю я прелесть города
живую,
Как голос друга,
Как лицо жены.
И волшебство
Пустынной панорамы
Зовет,
Всей лунной музыке назло,
Заделать стены,
Крепко вставить рамы
И в них вложить
Надежное стекло.

Белая ночь

1.

О, это не преданья,
Не дней былых завет,
Но испаряют зданья
Голубоватый свет,
Мерцают боязливо,
Как фосфор или ртуть.
И ветер от залива
Сейчас не смеет дуть.
А наклонись к Фонтанке,
Покажется тогда,
Как спирт, зажженный в склянке,
Горит ее вода.
Беззвучно пламень синий
Скользит под круглый мост.
И небо спит пустыней
Свободною от звезд.

2.

Мы с тобою в Италии не побывали,
По парижским бульварам пройдемся едва ли,

И, пожалуй, лишь в быстром мерцании кино
Нам в насупленный Лондон войти суждено.
Не начавшись окончились наши кочевья.
Но у самого дома, всему вопреки
Ленинградские нам улыбались деревья,
И сияла ночами поверхность реки.

Екатерининский дворец

Может, и не изменился в лице я,
Может, мне трудно понять до конца.
Вот она –
светлая арка Лицея,
Отсвет заката на складках дворца.
Будто как раньше,
добравшись с вокзала,
Видя, как неба прохлада нежна,
Жду, чтобы мне тишина рассказала
Всё,
что умеет сказать тишина.
Кажутся прежними дуги Растрелли,
И куполов проплывают сердца.
Знаю,
мы все за войну постарели,
Что ж удивляться морщинам дворца.
Но, будто с мыслью повязку срывая,
Вздрагиваю.
Утешение – прочь!
Это не прежняя и не живая
Музыка.
Это же – смерть. Это – ночь.
Это злосчастное великолепье
Скорбных пустот, исковерканных глыб,
Где сквозь пробелы зубчатую цепью
Бродят вершины испуганных лип.
... Что же воздвигнем мы заново внукам
Вместо поруганного волшебства?
Надо рождаться
особенным звукам,
Надо, чтоб наши
сияли слова.
В радостях – сверстник
и в горе – помощник,
Робкие искры вздувая во мгле,
Много тебе потрудиться,
художник,
Надо сейчас на суровой земле.

Фонтан

Средь трудов,

раздумий и скитаний,
В знойном ли,
в морозном ли краю,
Очертанья ленинградских зданий
Помнил я,
как молодость свою.
Может, мне не всё являлось сразу
Не колонн
могучие столбы,
И не Всадник открывался глазу
На коне
взметенном на дыбы.
Мне – подчас
мерещилось простое...
Летний день.
И скверика песок,
И фонтан,
что выгибался, стоя,
Кисти пен
ронял наискосок.
И сейчас передо мной
не тенью
Он возник.
Но вот он – наяву.
Весь подобен
светлому растенью.
Он живой.
И я еще живу.
Он шипит
торопится и бьется,
Переждав блокадные года.
Радугами быстрыми смеется
Гибкая, кудрявая вода.
Брызжет над садовыми скамьями
И над удивленной детворой,
И по ветру клонится
струями,
И сверкает
бахромой сырой.
...Все мы жизнь
извели иную.
Но и с прошлым
не порвалась нить,
Если – вот
игрушку водяную
Все же мы
сумели сохранить.

Осенний город

Ты хорош, говорят, весною.
Но и осенью светишь ты
Ненаглядною новизною
Исцеляющей красоты.
Пусть мерцает дождя штриховка,
Туч колышется волокно,
Капля каждая, как подковка,
Чуть постукивает в окно.
Разве город не так же манит,
Властной силой своей храня,
Не обидит он, не обманет,
Не насупится на меня.
Пусть же осень.
Не в этом дело...
Зябко вздрагивает вода.
Видишь, площадь помолодела,
Принаряжена и горда,
И на Всадника, на Иглу нам
Хорошо бы взглянуть скорей,
Улыбнуться спокойным лунам
Затуманенных фонарей.
И колонны стоят свечами
У растрелльевского крыльца.
...И война уже за плечами.
– И любви нашей нет конца.

Клен

В притихнувшем сквере
Осенние клены
Беззвучно пылают,
Прозрачно горят.
Вот красные складки
Листов раскаленных,
Как бы из заката
Их создан наряд.
Кострами они шевелятся,
алея,
Раскинув зубчатых огней языки.
Нет, я о прошедшей весне
Не жалею,
Пусть облачно небо
И тучи низки.
И если иду я,
И если устану,
Куда бы я ни направлялся спеша,
Клен вспыхнет над сквером
Подобный фонтану.
Он светел.
И вздрогнет от счастья душа.

Пусть даже колышется
Сеть дождевая,
Пусть капель мельчайших
Шуршит порошок.
Над шумом машин,
Над бряцаньем трамвая
Клен празднует осень.
Ему хорошо.

Концерт

В свой светлый дом после разлуки
Сейчас опять вернутся звуки,
Внимательный наполнят зал,
Взволнуют воздух струнным спором,
Прославят жизнь согласным хором,
Как дирижер им приказал.

И прошлого живые были,
И то, что светит нам сейчас,
То, чем мы будем, чем мы были,
Все станет явственней для нас.

Они не временные гости,
Здесь вольной музыки жилье.
И люстр мерцающие грозди,
Как образ видимый ее.

Она ничем неистребима.
И в наши грозовые дни
Она, как родина, любима,
Она сама любви сродни,

Она сама сродни победе...
Взлет палочки.
Скользят смычки.
Дыханье скрипок, рокот меди
И флейт порхают огоньки.

И, расступясь, вместят колонны:
Поля, вершины, лепет рек,
И многозвездной ночи склоны,
И всё,
что любит человек.

Эрмитаж

...Все на прежних местах.
Ну, подумайте сами,
Ведь ничья запятнать не посмела рука
Ни голландских туманных морей с парусами,

Ни горячие
рубенсовские шелка.
И, как будто о наших заботах не зная,
Но за всё награждая,
под сенью густой
Ловит солнечный луч, улыбаясь, Даная,
Золотистой и ясной светясь наготой.
Как раскрытые окна,
полотна бездонны.
В них – округлы холмы.
И плотна синева
На плаще у задумчивой смуглой мадонны.
...А за стеклами
в льдинах ребристых Нева.
И, глаза отводя от пылающих пятен,
Я широкому невшскому воздуху рад.
Всё вернулось.
Мне с новою силой понятен
Твой надежный,
победный покой, Ленинград.

Закат

Мне дни минувшие приснились.
Воспоминанья им верны.
Да, мы, конечно, изменились
Под небом горестным войны.
И, верно, сердце стало старше
И вдумчивее.
Посмотри,
Покачиваясь, дремлют баржи
Под тихим пламенем зари.
Насквозь прозолотевший Летний
Так пышно вылеплен для глаз,
Как будто я его в последний,
Нет,
в самый первый вижу раз.
И так ли празднично кропили
Лучи когда-то даль реки?
И разве замирали шпильи,
Как вспышка молнии, ярки?
Молчи, не упусти ни звука,
Лови закатных красок речь.
...Так учит любящих разлука
Их радость заново беречь.

II. Всадник (поэма)

Нам было весело лопатой
Взрезать слежавшийся песок,
Чтоб шеи гривистой покатою
Открылся бронзовый кусок.
Мы деревянную рубаху,
Дощатый саван, рассекли,
И, руку вытянув сразмаха,
Он вдруг рванулся из земли.
И никаким не сжат покровом,
Закинул с мощью молодой
Лицо огромное в лавровом
Венке над невскою водой.

* * *

Он так знаком чертою каждой,
Глядящий вглубь морских ворот,
С неукротимой вечной жаждой
Лететь вперед и звать вперед,
В такие он окутан были,
Воспетый кистью и пером,
Что мы почти что позабыли,
Что он когда-то был Петром.
Он не отдельным персонажем
Истории живет.
Но вот –
Почти что безымянным стражем
Он стал просторных невских вод,
Стал нашим молчаливым братом.
Смотря с гранита своего,
Навек он сросся с Ленинградом,
Стал сердцем бронзовым его.
И если обхожу вблизи я
Скалы волнистый пьедестал,
Я вижу:
он – сама Россия,
Ее он воплощеньем стал.

* * *

Один припомнился мне случай
Совсем не пушкинский, иной...
То не был год благополучий.
Еще корою земляной
Укрыт был Всадник.

Год блокады.
Шла Невским девушка. Ее
Могли б изобразить плакаты.
Шинель, ушанка и ружье
Пристали ей.
Широколица,
Приземиста, крепка она.
Перерядиться, закалиться
Ее заставила война.
Она с Днепра, не ленинградка.
Да что еще без долгих фраз?
Волос из-под ушанки прядка,
И пара крупных карих глаз.
Из части в краткий отпуск скорой
Походкой шла она тогда
К одной старушке, у которой
Во флоте сын.
Да, вот беда –
Давно уж девушке ни вести
От моряка. Как понимать?
Ведь часто он писал невесте.
Имеет, может, вести мать?
И валенки ее скрипели
По снегу.
Ранний март. Мороз.
Хоть солнце, но не до капли.
На крышах гривой снег вырос.
Был тихим город без трамвая,
Сугробов замерли валы,
И, яркий воздух разрывая,
Серел в чехле корабль Иглы.
И сквозь сухие прутья сада
Яичной желтизной горел
Край вытянутого фасада...
И тут-то
– начался обстрел.
Качнулся, сдвинутый снарядом,
Глубокий воздух, дребезжа.
И грохнуло почти что рядом.
Из рам шестого этажа,
Стуча, посыпалась фанера,
Осколок свистнул над плечом.
И пухлый снег почти до сквера
Обрызган свежим кирпичом.
И девушка туда, под липы,
Метнулась,
будто бы, укрыв,
Они ее спасти могли бы...
И новый прокатился взрыв.

Троллейбуса промерзлый ящик
Шатнулся, дернул круглым лбом
И набок лег у зданий спящих,
Весь дымным осенен столбом.
Вздохнуть, перебежать к фонтану...
– То – недолеты по мостам...
Пожалуй, этак я устану.
Как странно,
– по своим местам
Стоят и старый дом со львами,
Собора грозного шатер...
Над тяжкими его главами
Вновь тот же вой.
Опять – костер!
На этот раз перед Сенатом.
– Ну, и попала. Чистый фронт!..
Еще удачно, что не на дом,
Большой бы нужен был ремонт.
Ну, прямо в центре урагана.
Жди, да по сторонам смотри. –
Так бормотала у кургана
Она, где Петр укрыт внутри.

* * *

И тут подходит к ней, кивая,
Боец, стоявший на посту
У памятника.
– Что? Живая?
Ишь, лупит нынче по мосту! –
Они стоят.
Как будто в льдины
Огромным кто-то бьет ведром.
Волочит дым свои седины
Середь Невы перед Петром.
– Ты здешний?
– Нет. Перед блокадой
Под Новгородом был в лесах.
Опять летит... Подальше падай
(Взглянул на солнце в небесах).
Дай срок... И «он» по тем болотам
Пройдет, где увязали мы...
Так... Поздравляю с перелетом...
Дождется «он» другой зимы.
– Тут стережешь?
– Да, по приказу
Сюда направлен я с утра...
Жаль, не видал его ни разу...
– Кого?

– Да этого Петра.
Хоть раз бы глянуть...
– Неужели
Не видел?
– Нет. Поди, высок.
Пожалуй, танка потяжеле.
Вон как горой лежит песок. –
И, вспомнив Тулу иль Воронеж,
Какой-то свой родимый край,
Добавил:
– Все равно, не тронешь...
Не пустим, как ни напирай.
– Да, этот Петр
Она взглянула,
Заулыбавшись широко.
Под гнетом пушечного гула
Ей стало ясно и легко.
Тот берег ослеплял снегами,
Голубизна небес резка.
Меж искристыми берегами
Горела льдинами река.
Греметь окрестность перестала,
И здания, как фонари,
Иль словно бы куски кристалла
Светились тихо изнутри.
Касаясь сизыми боками
Гранита, забредя сюда,
Спустившимися облаками
В Неве насупились суда.
Был выпуклым и четким остров.
Гранит, как черное стекло.
А куполов, а шпилей острых
И башен сколько!
Как светло!
Сюда б весну! Апрельской влаги,
И майской зелени в сады!
И чтобы музыка и флаги
За все бои, за все труды.
Ведь этот город – праздник...
– Слушай,
Он – на коне.
– Да, ты о ком?..
Эх, стукнуть бы по ним «катюшей»!
– Ты хоть по книгам с ним знаком?
– Ты про кого?
– Да, про Петра я.
Читал у Пушкина?
– Да, да...
И, мысленно перебирая

Обрывки строк, она тогда
Вдруг что-то вспомнила такое
Про наводнение.
Значит, тут
Евгений мыкался с тоскою,
Смотря, как волны все растут.
Спешил, как я, на ту сторонку,
Да опоздал...
Тяжел полет
Снаряда.
– Взрывает он воронку, –
Сказал боец,
– Нет, снова в лед. –
...Он опоздал. И после, муча
Себя, бродил. Сошел с ума...
Ах, если бы не эта буча,
Все знала б я насчет письма!
...Тут волны прыгали на плиты.
Конечно, горе для людей.
Но кровью ежели политы
Поля, то горе полютей.
И если враг, как будто ломом
По городу и день за днем
Колотит так, что дом за домом
Трещит...
И голод... Ведь, о нем
У Пушкина не говорится.
И это длится месяца.
А тут же и мороз за тридцать,
И стынешь пуще мертвеца...
Да, что тут толковать!
Тут зубы
Лишь стисни.
Мы бы все не прочь
Любую вынести грозу бы!
Подумаешь. Одна ведь ночь.
Мы б живо помощь подавали
С баркасов, шлюпок, катеров,
Спасли б товар в любом подвале,
Скарб из квартир и со дворов.
И все б одной семьей, без платы
До самой поздней до поры
Чинили б, ставили заплаты,
Взяв гвозди, кисти, топоры.
О, если б и теперь скорее
Дожить до таких трудов!
А тот бедняк бродил, старея,
Не помню, много ли годов,
Хотя в другом была причина –

Невеста умерла его.
А нам в боях грозит кончина.
Дня не проходит одного,
Чтоб кто-то не утратил близкой
Или близкого...
Когда б мой Петр
Мне с корабля хотя б запиской
Дал знать, что он здоров и бодр!
Но отчего же тот Евгений
Вот с этим бронзовым Петром
Из-за злосчастных наводнений
Не мог все разрешить добром?
И клял, грозил рукою робкой,
Его чуть конь не растоптал.
А мы песчаную коробкой
Одели бережно металл,
Чтоб даже край плаща иль стремя
Не поцарапались.
Сейчас
Мы с ним в ладу.
Другое время,
Другие песни...
И на нас
Он не поскачет.
Помню, с юга
Когда сюда пускалась в путь,
Я торопилась, как на друга,
Скорее на него взглянуть.
Ведь он не только здешний, местный,
Он – общий, он – для всей страны.
Он сердцу каждому известный,
Мы все сберечь его должны.
Что мог он оживать, то сказки.
Но станет он еще родней,
Спасенный нами от фугаски,
От всех напастей этих дней.

* * *

Она – бойцу:
– Мне бы хотелось
Понятье дать, каков на вид...
Но, знаешь, главное, чтоб целость
Он сохранил...
А конь-то взвиг...
А сам-то он рванул уздечку!
Ну, прямо, видишь наяву
Вдруг, будто маленькую речку,
Он всю перелетит Неву.

С таким бы в бой!
Его ни минам,
Ни танкам не отбросить вспять,
С таким – овладевать Берлином,
Брать у врагов за пядью пядь
И день отпраздновать победный.
А, впрочем,
что прибавить мне,
Коли написан – Всадник медный –
О нем и о его коне.
И ведь не вечно дальнобойным
Калечить мирные дома,
Конец бывает всяким войнам,
И из песчаного холма
Он выйдет, встанет пред глазами,
Не век скучать ему.
Дай срок,
Опять его увидим сами,
Поймешь тогда, кого стерег.
Коль доживем, так будем рады
Припомнить этот разговор.
Прощай!
– Куда ж ты под снаряды?
– Так до каких стоять мне пор? –
И, подтянув шинели пояс,
Упрямым шагом, молодым
Идет...
Над ней, гремя как поезд,
Летит снаряд.
И взрыв.
И дым.

* * *

Прошло три года.
Я не знаю,
Нашла ль она ей нужный дом.
Дорога дней стремилась к маю.
Нева очистилась. Со льдом
Простились радостные глади
Вод пробудившихся весной...
Бывают в жизни, как в балладе,
Возвраты темы основной.
По той же набережной та же
Шла девушка.
Был воздух чист.
И странно было вспомнить даже
Снарядов треск, фугасок свист.
Всю мощь возможных в мире звуков

Собрав в один громовый шквал,
В те дни пути к рейхстагу Жуков
Огнем и сталью пробивал.
А тут, как бы летя, машины
Проскальзывали во весь дух.
По скверам мирных лип вершины
В прозрачный одевались пух.
В вечернем солнце розовели
Мосты, фасады и река...
Дошла ль она тогда до цели?
Встречала ль после моряка,
Иль так и не дождалась вести?
От дома сохранился ль след?
Мать моряка на том же ль месте?
А девушка среди этих лет
Тропинками прошла какими?
И кто она сама, стрелок,
Сапер, разведчик?
Что за имя
У ней?
Весь этот узелок
Зачем распутывать?
И мысли
Ее в тот вечер каковы?
Заботы ли ей сердце грызли,
Надежды ль звали?
Головы
Не поднимала...
Что за гомон?
Шумят, толпятся, крик ребят.
Стучат, как будто в доски ломом,
Лопаты землю теребят.
Да это же его на волю
Высвобождают.
Я же здесь
Спасалась.
Как же я позволю,
Чтоб без меня?
Почти что весь
Он виден.
Здесь же мы под громом
Дежурили, два пришлеца,
Как будто в городе огромном
Лишь два оставшихся жильца
Мы берегли его.
А он-то,
Он нас берег.
– А, ну-ка, дай,
Лопату, что ли!

Я же с фронта,
Ну, шевелись, а не гадай! –
И вот она у самой шеи
Коня, на выступе земли
Стоит, как на краю траншеи,
И видит,
как в тот миг могли
Те, кто работал там, вплотную
Увидеть
этот ясный лоб
И этих глаз грозу родную,
Их суд, что выше всяких злоб,
Всю волю этих грозных складок
У рта,
весь вихрь его лица.
Всю мощь, которой нет загадок
И нет преград, и нет конца!
И, как бы в лик России глядя,
Она, невольно вздрогнув вдруг,
Шепнула,
чуть коня погладя:
– Мы победили.
Здравствуй, друг!

* * *

Средь пестрых клумб играют дети.
Присядь, коль хочешь, на скамью.
Вот – он парит в вечернем свете,
Стремясь вперед, поправ змею.
Мы в обновляющемся мире.
Нам – жить, работать и любить.
Земля – родней нам, небо – шире
Теперь.
А как с рассказом быть?
Воображенье обнимало
Меня, и отбивал я такт.
Но не прибавил я нимало.
Все это
– вправду было так.

Неудачники

Повесть

Кооперативное издательство писателей
«Никитинские субботники»
Москва – 1928

Часть первая

Глава I

Тут строят. Тут круглеют бревна.
Тут прочно сложен свежий тес.
Тут ряд столбов оградой ровной
Стволы блестящие вознес.
И лестниц гладкие решетки,
Чуть прогибаясь под ногой,
Ведут к мосткам.
Тут – бродят лодки
На привязи. И звучен бой
Волны, всплывающей сквозь сваи,
Бурлящей пенисто.
А там
Гремят прозрачные трамваи
В стеклянном блеске по мостам.
И если вечер дымно-сизый,
Выстеливаясь, просквозит,
И розовеющею ризой
Оденет пепельный гранит,
И в медленном непостоянстве,
Изменой отблесков жива,
Свои плавучие пространства
Всколеблет, шелестя, Нева, –
Чье сердце не забредит, споря,
Кто, задыхаясь в мгле забот,
Бег кораблей и трубы моря
К себе с тоской не призовет?
Но лирики довольно. Метод
Мы изберем такой: учет
Житейских происшествий. –
Этот
Рассказ зачат в недавний год
И в ту весну, когда событий
Багряно-медная волна
Откатывалась.
В стройке, в быте
Негромко пенилась она.
И мысли расчленив в порядок,
Осматриваясь наугад,
Исход международных схваток
Решал сметливый дипломат.
И сквозь суровую опаску
С ним Запад говорил.
Внутри ж

Шли в городах –
ремонт, окраска,
Починка мостовых и крыш.
Но люди, но умы, но пламя
Чувств беспокойных кто поймет,
Кто подглядит, когда мы сами
Души цветной водоворот
Не в силах уследить.
Вот нынче,
Ну, кажется, какой вопрос,
Весь день промерен, слажен, свинчен
И пущен вдаль, –
как паровоз
По вытянутой параллели
Звонящих рельс.
Но что с тобой?
Здесь путаница.
В самом деле,
И путь не тот, и день другой,
И поле хлынуло иное
В твое вагонное окно,
И море вздыбило прибои...
Какое море? Все равно.
Бывают случаи –
железный
Вдруг лист с карниза упадет,
Тем самым оборвав полезный
Твоей служебной жизни ход,
Иль в клуб зайдешь и тут рассудку
Наперекор, в страстей дыму,
Разгорячившись не на шутку,
Казенных денег спустишь тьму,
Иль в городе чужом, в подъезде
Гостиницы замедлишь.
– Ба!
И здесь ехидная судьба
Подстережет на хмуром скресте
Двух улиц.
– Неужели вы?
Марина? Вот не чаял встречи.
– Как? Лугин?
– Да, я из Москвы.
Весьма запутанные речи.
– Скажите!.. Право, он совсем
Такой же. Вы должны явиться
Сегодня в театр.
– В театр? Зачем?
– Вы позабыли – я певица.
– Мне надо нынче ехать...

– Ну,
Не принимаю отговорок.
И взгляд ее горяч и зорок.
– Что ж? Надо вспомнить старину.

*О, времени полет незрячий,
Ему не возвратить назад
Ни комнаты на старой даче,
Ни вечеров, одевших сад,
Ни настороженного лада
Бесед ночных. Ему не жаль,
Что в напряженный шорох сада
Уж не проговорит рояль.*

– Так решено.
Судите сами,
Да сколько миновало лет?
Бежит смолистыми торцами,
Оглаженными, как паркет.
А было...
Вот он, восьмиклассник.
Взросл. Даже курит при родных.
Весьма сознательный участник
Всей жизни. Тонет в мировых
Вопросах. Он давно умелый
Начетчик символистских книг.
Его воспитывает Белый
И Блока звуковой родник.
*Ярмо зависимости школьной,
Уроков прозу, суету
Товарищей презрев, мечту
Избрал в подруги своевольно.*
Он любит в вешний ледоход,
Уединившись втихомолку,
Глядеть, как зори пенят Волгу
И первая звезда встает.

Марина. Две густых и русых
На плечи скинутых косы.
Подвижней и стройней осы.
Взгляд, будто аметист на бусах,
Почти лилов. Характер горд...
Не сладишь с неумным нравом,
Она велосипедный спорт
Предпочитала всем забавам.
Но, впрочем, понимала толк
И в теннисе. Блеснет ракеткой –
И мяч дугой отбит над сеткой,
И смех до темноты не молк.

Но если вкрадчивой и хмурой
Волною обоймет тоска,
Податливой клавиатурой
Скользит привычная рука.
И, отдаваясь по соседним
Аллеям, над покоем летним,
Как чистый соловьиный гром,
Играет песня серебром.

Ну, в общем, пагуба, заноза
Для впечатлительных сердец,
Мираж, подобие наркоза.
Увидишь и пропал. Конец.
Зачем ей было на поправку
Из Питера являться вдруг
В тишь этих дач?
Какую давку,
Какую беготню вокруг
Птенцы классических, реальных,
Коммерческих и прочих школ
Подняли. Как пылился пол
На вечерниках танцевальных.
Заваривались пикники.
Сгонялись отовсюду лодки.
И стали чрезвычайно ходки
Прогулки ночью у реки.
Что гимназисты? Не хотите ль
Узнать – то каждый подтвердит –
Студент, затянут в белый китель,
И тот бродил понур, забит.
И начал мазать мимо лузы,
Хотя мелил исправно кий.
Что делать? Всякий вязнет в узы
Любви. Сильна игра стихий.
Но ежели разоблаченья
Пошли, то выложим сполна –
И Лугин был ценитель пенья.
Короче, – ни еды, ни сна
Два месяца. Напрасны охи
Родителей. Хоть злись, хоть плачь, –
Не ест. Рассеян, лоб горяч.
И даже с символизмом плохи
Дела.
И вдруг, скажите, он
В спектакль домашний вовлечен.

Кто не играл...
Но будем кратки.
Нет! Лирику тут не неволь.

Кто в юности пред словом «роль»
Не трепетал, кто, по тетрадке
Вызубривая трудный стих,
Не оглашал трущоб лесных
Басистым рыком, не коверкал
Лицо у зеркала, кому
Хоть раз не открывалась дверка
В сценическую полутьму,
Кто хоть на миг не слыл актером,
Кому черты не метил грим,
Кто застилающимся взором
Не зрел, как вздернут перед ним
Кусок холста, и на помосте,
Теряя голос, монолог
Не начинал, не чуя ног, –
Тот не поймет...
Рассказы бросьте.
Тщетна воображенья прыть.
Все это надо пе-ре-жить!

*Отрывки Гамлета. Почтенно
Заданье. Но и тут как раз
Судьба насолит непременно.
– Какой он к чорту Фортинбрас?
Иль, правда, не хватает роста
Ему. Ведь он же – Гамлет! Просто
Интрига явная видна.
Увы! Офелия – она.
Попробуйте, его оденьте
В плащ. Он сумеет...
– Башмаков
Не износила –
Что в студенте
Нашли? Не голос – трубный рев!
А главное...
– Ишь, льнет. Ишь, вспучил
Глаза.
Еще посмотрим. Ну-с!
Влюбляться в этаких-то чучел!
Нет, у нее прескверный вкус.*

Спектакль. Кленовые гирлянды
Увили столбики веранды.
На стульях суетня, галдеж.
Хохочет зычно молодежь.
Толкаются. Куда? Не лезьте!
Родители на первом месте.
Гитар и балаласк хор
И щебет мандолин упругий

Выбренчивает, яр и спор,
О том, как Стенька правил струги.
Звонок гремит. С трудом уже
Оттянут занавес. Знакомых
Тьма. Тут заметят каждый промах.
– Тсс. – Начинают. – Сядьте же!

Клянусь, Офелии милее
Я после не знавал и сам.
Как шли к волнистым волосам,
О, нет, не лилии – лилеи.
И угловато-робкий жест
Рук загорелых, – чуть неловкий.
За этой худенькой головкой
Мы, не дыша, следили с мест.
Когда ж запела... В тонком звоне
Протяжных слов – простая боль.
Мы били яростно в ладони.
Мой бедный Лугин. Скомкав роль,
В смешном костюмчике, с горячим
Лицом, измазан гримом, в сад
Сбежал, где липы шелестят.
Нет, он не разразился плачем.
Но Тютчев прав.
И кто же вновь,
Борясь, «в избытке ощущений
Не ведал ваших искушений,
Самоубийство и любовь».

*Но после пьесы...
– Строг порядок
В обслуживании дачных муз. -
И обязательный припенок -
Дивертисмент.
На всякий вкус
Таланты прорывались разом.
Один комическим рассказом
Взбодрит. А тот – мастак большой
По части пения «с душой».
Девочки – ленточки, румянец
Во всю щеку, стан строен, крут -
Такой малороссийский танец,
Что только рябь в глазах, – загнут.
И Лугин? Он-то что? Его ведь
В афишке нету. Вот сюрприз.
Каким молебном славословить
Богинь искусства вышел.
Вниз
Глаза опущены. У стула*

*Стал. После вскинул в потолок
Лицо. Читает. Чуть сутуло
Склонен. Стихи. Какие? – Блок.
Так в омут прыгают с размаха,
Бросятся в горящий дом.
Ему сегодня не до страха.
Он гиб. Все сотрясалось в нем.
И не слова, но звонкий молот
Бил в горле.
Сбоку на скамью
Марина села.
– Жизни холод
Увел Офелию мою. -
И, право, слышал он едва ли,
Как мы шумели, вызывали,
Он не искал наград у нас,
С Марины не спуская глаз.*

Уже белело утро. Баржи
По стали светло-серых вод
Влачил лениво пароход.
За эту ночь он вырос, старше,
Живее стал.
Волна в песке
Чуть лепетала пенной кромкой.
И бой колес тугой и громкий
Раскатывался по реке.

К чему подробности. Он шалым
Ходил недели полторы.
Но поезд, грохоча по шпалам,
Ее увлек. Конец игры.
О, яркость летнего спектакля,
Ты тускнешь. Время-бутафор
С подмостков выметает сор.
Не кудри Гамлета – а пакля,
Не Дания, а волжский плес.
И далее, не знаю, к стати ль
Сравненья множить без конца,
Но перед ним не тень отца,
А выцветший преподаватель
Латыни...

Значит, надо мне
Телеграфировать жене.

Но что за путаница в датах!
Однако, верно. Он женат.
Рассказ наш пестр. Он весь в заплатках.

Он мечется вперед, назад...
И за героем вслед, в одышке
Несется автор, за полу
Его хватает на углу:
– Нет, брат, не выскочишь из книжки.
Куда?
– Да, я на телеграф.
Тут безусловно Лугин прав.
Почтамт. Графлений бланк.
– Отсрочка
Отъезда. –
Мелких букв нажим.
Исчерчен лист.
Готово. Точка.
Теперь куда мы побежим?
Нева. Ну что ж? Пускай покоем
Подышит он.
Тут сложен тес,
И гладким и упругим строим
Столбов и лестниц мир возрос.
Тут Петропавловки твердыни
Приземистые тяжелы.
И ангел маленький с иглы
Мерцает в глянцевиной сини
Небес. И между круглых роств
Сомкнулась биржи колоннада.
И шпиль адмиралтейства остр.
И желтобокого сената
Чуть выступившая видна
В блистаньи солнечном – стена.
Нет, конечно. Здесь первый роздых
Позволим мы. Спешить куда?
Насыщен морем свежий воздух,
Играет бликами вода.
И горечь дум обезоружив,
«Я опираюсь о гранит».
Пусть мнутя складки пенных кружев,
Пусть их ничто не сохранит.
Но легким выплескам внимая,
Чтоб не ждало в грядущем нас,
Я жизнь, как друга, принимаю
И слушаю ее рассказ.

Глава II

Прощались.
– Слушайте, не будем...
Что взвешивать нам каждый шаг?
Да неужели просто людям

Нельзя...

– Вы правы, это так.

Она отдернула портьеры.

Как тени утренние серы!

Пустынен город в тусклой мгле.

И блики мутно заиграли

На полированном рояле,

На фотографиях в стекле.

Вагон летит. Он вложен в тягу.

Колес, цепей и крепов. Он

В свой неуклонный бег влюблен.

Купэ колышется.

– Прилягу.

Сосед в мышинном пиджачке

Врос в угол с томиком в руке.

О, перестук колес. О, сказка

Железного тупого лязга. –

– Ты стар. Смирись. Роптать к чему?

Стекло позвякивает мелко.

Лишь огоньком метнется стрелка,

Да искры сыплются в дыму.

Не пожелайте с прошлым встречи.

Пусть оно молчит далече.

Его докучен разговор.

Что за вопросы, в самом деле,

Не все ль равно, куда вы дели

Пыл давний, молодой задор.

Но эта бронзовая прядка

Волос...

– Да кто же их остриг,

Те косы?

Хорошо на миг

Лет сбросить полтора десятка

И –

в театре, во втором ряду

Очнуться на свою беду.

Сумбур.

Скользим от темы к теме.

Никак не укротить пера.

Театр примолк в нагретой теме.

И яруса, как веера.

Затянутые в бархат ложи.

Рядов изогнутых зубцы.

И в люстре лампочки похожи

На золотые бубенцы.

Колонок вырезных опора.
Всплывают пятна лиц вокруг.
Но жест короткий дирижера
За звуком вырывает звук.
И вот оркестр чеканит, лепит
Свой грозный мир, свой мир сквозной.
И плещет флейт старинный лепет,
Воркует жалобный гобой.
Светла раскрашенная сцена.
Плоски картонные дубы.
Уж проверяется измена
Под зов герольдовой трубы,
И в реве меди изобильном,
В жестяных латах, наконец,
На лебеде въезжает пыльном
Далеких рыцарей гонец.

Мы не обязаны, не так ли,
Все время отбегая вспять,
Всех видов и родов спектакли
Внимательно живописать.
Пусть Лугин в ожидании бурном
Следит за вымыслом мишурным,
Марину слушает. Отсель
Бежим, у нас другая цель.

Немолчно поезд версты крошит.
Шумят леса. Бегут поля.
Овеянная ночью, строже
Молчит угрюмая земля.
И в тишине глухой и древней
Летят, опущенные в мрак,
Там – за деревнею деревня,
Болото, рощица, овраг.
Вот лай собак из-за забора,
Вот сторож с фонарем.
И – нет.
Вот сухорукий семафора
Навстречу вымелькнул скелет.
И снова темь – Россия – поле,
Моя страна – душа, и в ней
Весь гнет моей сокрытой боли,
Вся правда радости моей.

Он едет. Он зарылся в книжку.
Что встреча? – Бестолковый бред.
Пусть дни опять бегут вприпрыжку,
Пусть он бежит за днями вслед.
Ведь ясно сказано, что с мужем

Она дружна.
– Мы тоже дружим
С женою. Брак – не первый год,
И глупо затевать развод.
Из-за чего? И ропот жгучий
Он резкой мыслью пересек:
– Все это мимолетный случай.
Она – чужой мне человек.
А голос... Весь он гибче, тоньше
Стал, отлитый из серебра.
... Шумят у вешалок. Окончен
Спектакль и по домам пора.
О камни грохает пролетка.
Дворцы, ограды и сады.
В канале скользко режет лодка
Блеск металлической воды.
Мостов узорчатые арки.
Плотнеет, как слюда, Нева,
И белой ночи свод неяркий
Над ней колышется едва.
На небе сизые отливы.
Изваяны дома из мглы.
Копыта бьют. Слова ленивы.
И руки милые теплы.

У каждой комнаты обличье
Свое. И эта так пестра.
В ней проступало что-то птичье.
Тона павлиньего пера
Являли кинутые ткани,
Платки, вуали. На диване
Подушек расписных гора.
В глазах мерцает беспорядок
Каких-то лент, портретов, складок.
И мягок пышный пласт ковра.
И лишь рояля черный бивень,
Втянув упругие бока,
Меж легких досок звуков ливень
Неслышно заключил пока.
И на прочищенной до лоска,
На крышке чопорной его
Портрет, не все ль равно кого, –
Мужчина. Бобриком прическа,
Отлично слаженный крепыш,
Плечистый, крепкогрудый. Ишь,
Рост, верно, в эту дверь, не меньше,
В обтянутом по талье френче.
Зачем он здесь?

Ход тихнет. Глянь
К вагону приросла Любань.
Шум. Толочь. Жидковатым чаем
Себя в дороге угощаем
Здесь, или мутным кофейком.
Истерт, до одури знаком
Вокзал. Часы желтеют диском.
Дверь хлопает с железным визгом,
И на затоптанный перрон
Выходит поразмяться он.
Был вечер скользкий, зыбкий, топкий.
Дождь мелко лип на воротник.
Из жаркой паровозной топки
Огня вылизывал язык
Срез рельса, рычага суставы,
Колес крутые обода.
Рябилась между шпал вода.
Проходит Лугин вдоль состава
И видит, как его сосед,
Неспешно выйдя на прогулку,
Пьет молоко, торгует булку,
Довольно шуруется на свет.
Что есть сосед дорожный? В тоне
Высоком скажем так:
– Простор
Ночной. И вдруг на небосклоне,
Как спичка, чиркнул метеор.
А вы? Допустим – здесь дорожка...
Идете, глядя в небеса.
Но огонька скатилась крошка
И кувырнулась за леса.
На миг вы друг для друга новы.
Пересеклись пути. Но впредь
Ни он вас больше, ни его
вы
Уж не сумеете узреть.
Что, впрочем, к лучшему; тем паче
(Тут я на прозу перейду),
Что нет докучливей задачи,
Как длить расспросов ерунду,
Бесцельно вязнуть в разговорах –
Откуда? Кто? Куда? Зачем? –
Распутывать по нитке ворох
Вагонных специальных тем.
В особенности, если занят
Своей бедой и дум разлад
Нельзя унять.
Но это – клад,
А не сосед. Сидит, не глянет

Листает книжку.
И легки
Движенья маленькой руки.
И снова, скрежеща от злости,
Рвут путь колеса.

... Сядьте тут.
И клавиш резаные кости,
Блестя, меж пальцами бегут.
Восходит звуков колоннада,
Аккордов полных крутизна.
– Я вам спою.
– О нет, не надо.
В глазах колеблется стена.
И руки подняты от клавиш
И птицами дрожат у губ.
Ты не отпустишь их, ты сдавишь,
Ты сломишь их...
– Нет, не могу...
И той же радости не пряча,
Она не борется, склонив
Себя в ликующий, горячий
И полный музыки порыв,
Когда крылатые ладони,
Сухим огнем клеймя, замрут
На выгибе плеча, на склоне
Бедра. И словно в темный пруд,
У горла захватив дыханье,
Все тело глубоко на дно
В движенье крови, в осязанье
Ритмически погружено.
О, глубже разметать напором,
Измять, измять наготу
Пред ослепительным и скорым
Внезапным срывом на лету.

*Как трудно веритья надежде,
Рукою счастье осязать,
Но все останется, как прежде,
По-прежнему домой опять
Вернешься.
– Слушайте, не будем...
Что взвешивать?
Глядит портрет
С рояля.
– Неужели людям
Нельзя...
– Прощайте.
Утра свет*

*В окно. И блики по зеркалам
Упали, отраженьем вялым
Их наполняя высь.*

Вагон
Гремит. Он спит. И видит сон:
Его теснят вокруг гранитом
Дома. Он ищет, он идет.
И ветер, сыростью налитан,
Распенивает груди вод.
Ночь. Слякоть. На панелях пусто.
Мосты разведены. Назад.
И сердце, как свинцовый сгусток,
И дождь слепит его глаза.
И вдруг чеканно режут площадь
Ряды солдат. Идут. Куда?
И скомканная ветром роща
Знамен космата и горда.
На шлемах вытиснены звезды.
Шинели втянуты в ремни.
Опять война? А, может, просто
Здесь маневрируют они.
Вдруг, выделяясь между всеми,
Один глядит в крылатом шлеме.
Оркестр. Театр. Герольда рог
И лебедь блестящий у ног.
И Лугин вскрикнул.

Поздно. – Где мы?
– Да уж за Клином.
Голова
Отяжелела.
(Войско. Шлемы...
Приснится же.)
Близка Москва.
Москва летит в дождливой дымке.
Она просунула вперед
Платформы, стайки дач, завод,
Мигнули желтенькие Химки,
Над Разумовским, как маяк,
Восстал водонапорный бак.
Нахохлясь вислыми ветвями,
Отстали факелы берез.
И будит эхо паровоз,
Проскальзывая меж рядами
Вагонов всех мастей и рас,
Мельканьем заслонивших глаз.
И Лугин вяжет саквояжи.
Сосед? Да он совсем не плох.

Они разговорились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.